ИСИДОРЪ КАЛЕННИКОВЪ КРИВЕЦЪ.

Каждому священнику, въ пастырской дѣятельности, часто приходится встрѣчать, въ жизни своихъ прихожанъ, весьма крупныя явленія, на которыхъ невольно вынужденъ бываешь остановиться вниманіемъ, иногда поражаясь испорченностію нравовъ, иногда умиляясь чистотою ихъ. Одно изъ такихъ крупныхъ явленій показалъ на себѣ одинъ прихожанинъ мой, своею благочестивою жизнію, записать которую считаемъ своимъ долгомъ, сколько потому, чтобы отдать ему должную память, столько и по сознанію, что добрый примѣръ можетъ послужить въ назиданіе и многимъ другимъ.

Исидоръ К. коренной житель с. П.; здѣсь онъ родился, выросъ, отсюда взятъ въ военную службу, здѣсь проживалъ по отставкѣ, здѣсь и умеръ, на 54 г. своей жизни, въ 1868 году. Родители Исидора были поселяне, люди добрые, простые, не грамотные, недавшіе и своему сыну никакого книжнаго воспитанія. Родители поспѣшили связать его узами семейными, женивъ на 20 году жизни, на дочери поселянина, съ которою онъ прожилъ 34 г. и которую оставилъ теперь во вдовствѣ.

Но и среди міра, полнаго соблазновъ и среди семьи, Исидоръ умѣлъ сохранить природную расположенность къ

жизни внутренней, созерцательной. Нестяжательность, смиреніе и кротость, всегдашнее незлобіе, вовсемъ воздержаніе, постъ и молитва, вотъ чѣмъ отличался скромный и простой нашъ селянинъ.

Давно ли, спрашивалъ я жену его, покойный твой, а теперь Божій, Исидоръ началъ жить такъ богоугодно?

— «Таковъ онъ былъ, отвѣчала она, съ самаго начала моей съ нимъ жизни. Въ продолженіи 34 лѣтней моей съ нимъ жизни, я невидѣла его не только гнѣвающагося, но даже произносящаго сварливое слово. Если и другой кто-либо набранитъ его, или обзоветъ какимъ неприличнымъ словомъ, то и тогда онъ никогда не отвѣчалъ тѣмъ же. Напротивъ, старался примирить поносителя, испросивъ прощеніе того же дня, хотя самъ ни въ чемъ не былъ виноватъ. Случалось, что и я выходила изъ себя, гнѣвалась, и съ сердцемъ выговаривала ему за его жизнь. Мнѣ, впрочемъ, казалось, что я не сердилась, а говорила одну правду, но не такъ понималъ онъ: того же дня, передъ заходомъ солнца, онъ испрашивалъ у меня прощенія. «Смотри, бывало говоритъ, солнце заходитъ; а намъ заповѣдано: *да незайдетъ оно во гнѣвѣ вашемъ*. Для него была большая обида, если услышитъ, что я произнесу какое либо бранное слово, не только на человѣка, но даже и на скотину. Ты безчувственная, бывало со слезами укоряетъ меня; развѣ ты забыла, что онъ человѣкъ, что онъ носитъ на себѣ образъ Христа, кого же ты въ немъ ругаешь?» Или: «а развѣ ты дала ему жизнь, что такъ обзываешь Божіе твореніе? оно тебѣ служитъ, хлѣбъ для тебя воздѣлываетъ, а ты обзываешь ее (скотину) худыми словами?» Но особенно твердо взялся за Бога, (въ простотѣ сердца

передаетъ разказщица), сталъ крѣпко твердо держаться вѣры, когда научился грамотѣ. Грамота далась ему самоучкою, по вступленіи въ военную службу».

Было бы слишкомъ долго, хотя и небезполезно, прослѣдить жизнь Исидора во время его службы въ полку, гдѣ такъ много онъ перенесъ, за свою набожность, не только насмѣшекъ отъ товарищей, но и побоевъ, то отъ начальства, въ то время не имѣвшаго препоны своему гнѣву, то отъ лошадей, которыя нѣсколько разъ убивали его до полусмерти. Мы замѣтимъ только, что по отставкѣ Исидоръ явился въ свое родное село настолько утвержденный въ жизни духовно-нравственной, что скорѣе нужно было считать его служившимъ не въ полку, а въ монастырѣ. Съ этой поры мы и прослѣдимъ эту жизнь, полную высокаго назиданія, тѣмъ болѣе, что и при мнѣ Исидоръ жилъ восемъ лѣтъ; слѣдовательно, многое я могъ видѣть и провѣрить самъ. Исидоръ жилъ весьма скромно, имѣлъ свое небольшое хозяйство, и занимался земледѣліемъ. При скромной жизни и усердномъ трудѣ, Господь ущедрялъ его довольствомъ; всегда у него былъ свой хлѣбъ для прокормленія семьи, состоявшей, впрочемъ, изъ одной жены. При самомъ ограниченномъ хозяйствѣ, Исидоръ, конечно, немогъ имѣть у себя ничего лишняго, какъ дѣйствительно и было; но онъ и изъ самаго необходимаго дѣлился съ нуждающимися. «Бывало прежде, разсказываетъ жена покойника, я часто гнѣвалась и нападала на Исидора, что раздаетъ все, что ни попало; и онъ, не могши меня успокоить и перемѣнить словами, началъ подавать тайно, скрываясь отъ меня. Замѣчаю, что не станетъ то того, то другаго въ хозяйствѣ, а гдѣ дѣлось, неизвѣстно. Наконецъ видя, что хлѣба не стаетъ изъ нашего

скромнаго запаса, стала слѣдить за своимъ Исидоромъ пристальнѣе. Вотъ, однажды, въ полночь, выходитъ Исидоръ тихонько на дворъ, взялъ, приготовленную заранѣе, мѣрку хлѣба, и бѣгомъ отнесъ въ сосѣднюю избу (тамъ и теперь живетъ многосемейное, весьма бѣдное семейство), тамъ, тайно отъ семейства, высыпавши хлѣбъ, бѣгомъ возвратился назадъ, и тихонько войдя въ избу, снова принимается за свое обычное дѣло (ниже уяснится это обычное дѣло); такъ замѣчала я нѣсколько ночей, и наконецъ не вытерпѣла. Со слезами, снова нападаю на Исидора, убѣждаю его разными доводами: что мы и сами ничего не имѣемъ, что намъ послѣ никто не дастъ, что мы вмѣстѣ трудимся, а ты воруешь отъ меня, и отдаешь мои труды другимъ. И много, много говорила я съ сердцемъ, въ своемъ безумномъ увлеченіи; а онъ слушаетъ меня молча, и когда я успокоюсь не много отъ гнѣва, и скажетъ: «э, добрая душа! и тебѣ совѣтую такъ дѣлать; и ты воруй отъ меня и давай, а я буду отъ тебя воровать и давать. Мы вмѣстѣ трудились, ты правду сказала; за тожъ, что ты дашь тайно отъ меня, то оно пойдетъ за обоихъ; и что я дамъ тайно отъ тебя, тоже пойдетъ за обоихъ. Можетъ быть только и нашего; что можемъ сдѣлать мы большаго? И начнешь, бывало, отъ досады еще больше плакать. Я не могла, однакожъ, перемѣнить его рѣшимости, и мы кончили на томъ, что я согласилась не препятствовать ему, и дѣлать то, что велитъ онъ, лишь бы только онъ не раздавалъ ничего тайно отъ меня. Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, мы и оказывали пособіе нуждающимся съобща». Конечно, тѣ немногіе, которымъ оказывалъ свое милосердіе Исидоръ, будутъ помнить его

благодѣянія; а мы неимѣемъ права теперь всего выявлять. Для нашего же дѣла довольно и сказаннаго выше.

Одѣвался Исидоръ всегда просто; краситься одеждою и самъ не любилъ, и женѣ не позволялъ. Простаго, сельскаго сукна жупанъ и нагольный, древній тулупъ, прикрывали, во время нужды, его тѣло, которое онъ не только не нѣжилъ, а даже и не жалѣлъ. Современи возвращенія своего изъ службы до самой смерти, никогда не спалъ онъ на подушкѣ. «Бывало прежде, передаетъ жена, часто прошу его подослать себѣ что нибудь подъ бока или подъ голову, во время ночнаго отдыха; иногда, по обязанности жены, сама приготовлю ему постель обыкновенно на землѣ, гдѣ онъ всегда неизмѣнно спалъ; но никогда не ложился онъ на приготовленную ему постель, не смотря на то, что постель была самая простая, состоявшая изъ одного рядна, разосланнаго на землѣ. Любимый отдыхъ его былъ на голой землѣ; подъ голову, вмѣсто подушки, иногда подкладывалъ руку, иногда суконный свой жупанъ, который носилъ.

Не меньше этого умерщвлялъ Исидоръ свое тѣло и воздержаніемъ въ пищѣ и питіи. И всегда, въ бóльшихъ случаяхъ сельской жизни, наши селяне вообще не роскошничаютъ въ пищѣ и питіи, многіе отъ недостатка, а многіе и по привычкѣ къ употребленію простой пищи. У Исидора эта простота доходила до поста, часто самаго строгаго. Въ обыкновенное время, онъ до того былъ равнодушенъ къ пищѣ, что во всю свою жизнь съ женою, никогда не спросилъ ее: что она готовила на обѣдъ, или почему то, а не другое? А когда наступитъ время обѣда, вошедши въ избу послѣ работы, и положивши не менѣе трехъ земныхъ поклоновъ, садился тихо за столъ, отрѣзавъ себѣ не большой кусокъ

хлѣба, и присоливъ съѣдалъ, обыкновенно запивая водою. Окончивши обѣдъ, снова съ такимъ же смиреніемъ повергался на землю предъ своимъ Творцемъ, насытившимъ его земныхъ благъ, не столько хлѣбомъ и водою, сколько миромъ и спокойствіемъ душевнымъ, и отправлялся на свою работу. «Иногда, разсказываетъ жена, бывало выхожу изъ терпѣнія отъ досады, что нѣтъ съ кѣмъ раздѣдить трапезы такой, какой бы хотѣлось, и въ наказаніе не предлагаю варенной пищи по нѣсколько дней, думая пересилить его, и по крайней мѣрѣ вынудить позывъ къ пищѣ; но проходятъ дни, не рѣдко недѣли, случаются въ эти дни и праздники, а Исидоръ не только не истощается въ терпѣніи, а еще больше привыкаетъ къ посту. И въ тѣ дни бывалъ покоенъ и веселъ, будто радуясь, что я ему не мѣшаю поститься. А когда сердце отойдетъ и у себя, сдѣлается такъ жалко и его и своего безумія, и бывало горько поплачешь . . .»

Соблюдая такую умѣренность въ пищѣ въ обыкновенное время, во время поста Исидоръ былъ еще строже къ себѣ. Въ понедѣльникъ всегда вкушалъ постную пищу, въ среду и пятокъ съѣдалъ малый кусокъ хлѣба только по заходѣ солнца; въ установленные посты не принималъ пищи по нѣсколько дней. Два года вовсе не употреблялъ мясной пищи, одинъ годъ не вкушалъ совсѣмъ никакой скоромной пищи, даже на святую Пасху.

Но особенно любимымъ упражненіемъ для Исидора была молитва; ею всецѣло заняты были его сердце и умъ. Выше упомянули мы, что Исидоръ, состоя на службѣ, выучился читать; и, возвратившись домой онъ принесъ съ собою оружія своего духовнаго воинствованія—псалтырь и святцы.

Время у Исидора на свои занятія было распредѣлено, и онъ никогда отъ своего неизмѣннаго правила, особенно по упражненію въ молитвѣ, не отступалъ до самой смерти. Разсмотримъ въ его жизни два дни: праздничный и будній. Исидоръ но истинѣ любилъ всегда *приметаться въ дому Бога* нашего; никогда и ни одно служеніе имъ не было опущено. Какая бы нибыла погода: снѣгъ или дождь, буря или мятель самая жестокая, Исидора колоколъ небудитъ къ заутрени; прежде всѣхъ и всегда Исидоръ возлѣ церкви, первый изъ богомольцевъ входитъ въ нее, и послѣдній выходитъ. Всегда какъ-то спѣшно оставляетъ народъ храмъ Божій, особенно зимой, во время сильнаго мороза; а Исидоръ всегда на обычномъ своемъ мѣстѣ, въ углѣ, какъ прикованный. Всѣмъ видится, что молитва окончена, и всякій воленъ идти домой; а Исидоръ все еще не окончилъ молитвы, ему такъ тепло и отрадно бесѣдовать съ своимъ Господомъ — *желаніемъ не насыщаемымъ.* Часто Исидоръ оставался послѣ утрени въ храмѣ, несходя съ своего мѣста, и выходилъ изъ него послѣ литургіи, вмѣстѣ съ сторожами. Пришедши домой, и вкусивши отъ предложенной женою пищи, по своему обычаю кушать столько, чтобы быть не то сытнымъ, не то голоднымъ, Исидоръ становился въ углу, предъ святыми иконами, и стоя читалъ, большею частію вслухъ, псалтырь, до самаго позднаго вечера. Ели же кто посѣщалъ его, то охотно удѣлялъ для гостя нѣсколько минутъ своей, всегда скромной, бесѣды. По истинѣ скромной бесѣды! «Никогда я не слышала, передаетъ жена, чтобы изъ устъ его вышло слово гнилое, и тѣмъ болѣе слово осужденія на ближняго. Кто бы нибылъ гость, но если онъ позволялъ себѣ при Исидорѣ, иногда невзначай, сказать одно пустое

слово, то этого уже было достаточно, чтобы цѣломудренный слухъ Исидора поразить до болѣзни. Перекрестившись и что то пошептавши, Исидоръ тотчасъ оставлялъ гостя и избу, и уже больше его не увидишь во весь день.

Но и самый благопріятный гость тяготилъ Исидора тѣмъ, что мѣшалъ ему наслаждаться чтеніемъ Божественнымъ. Если гость засиживался, то Исидоръ, взявши тихонько свою любимую книгу, уходилъ въ свою келлію (въ погребъ, а не то въ землянку, куда прятали во время непогоды скотину), и тамъ продолжалъ свое занятіе. Дождавши вечера и поужинавши, Исидоръ торопилъ жену и самъ торопился на отдыхъ, который онъ приготовлялъ себѣ самъ, какъ выше сказано. Пока жена, убравшись по хозяйству, соберется на отдыхъ, Исидоръ уже спитъ; едва успѣла жена потушить огонь, Исидоръ уже стоитъ на колѣнахъ, совершая свою ночную молитву. Вначалѣ, часто я, разсказываетъ жена, притаившись на своей постели будто сплю, не спала однакожъ нарочито, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли онъ молится всю ночь? И чѣмъ болѣе притворялась я, что сплю, тѣмъ пламеннѣе становилась молитва Исидора, всегда совершаемая имъ съ частыми поклонами и плачемъ, до того сильнымъ, что всхлыпивалъ. Нерѣдко онъ, нѣсколько разъ, пробуждалъ меня ночью сильнымъ рыданіемъ; словомъ сказать: я всегда видѣла, когда онъ становился на молитву, но никогда не видѣла окончанія ея». Не задолго передъ свѣтомъ Исидоръ будилъ и жену вставать; тогда и самъ, засвѣтивши предъ иконами лампаду, снова начиналъ молиться по книгѣ,—и молился до разсвѣта. Въ лѣтнія ночи онъ часто не успѣвалъ, вѣроятно, вычитать всего, что нужно, и какая бы нибыла жаркая пора ѣхать на работу

въ степь, онъ, пока не окончитъ молитвы, нетронется съ своего мѣста. А послѣ всенощной молитвы, весь изможденный, не сядетъ даже отдохнуть, а торопится и самъ, и жену гонитъ скорѣе убираться на работу въ степь.

Вотъ пріѣхали и на степь. Давши свободу своему рабочему скоту *), Исидоръ непрежде начнетъ работу, какъ помолившись Богу съ поклонами, не меньше никогда десяти **). Начавши работу, продолжаетъ ее безъ отдыха до обѣда; пообѣдавши, безъ отдыха работаетъ до вечера; и вечеромъ, не прежде оставитъ свою ниву, какъ совершивши такое же молитвословіе какъ утромъ. Конечно, какъ изъ сего, такъ и надъ многимъ другимъ въ его жизни, многіе блазнились, и отъ этого часто смущалась жена, но не онъ. «Ты хотябы молился такъ, чтобы тебя никто не видѣлъ, а то посмотри: всѣ надъ тобою смѣются, всѣ на тебя пальцемъ показываютъ.

---

*) Достойно вниманія и слѣдующее обстоятельство. На поселянскихъ нивахъ, во время работы, рѣшительно нѣгдѣ пасти рабочаго скота по неимѣнію, кромѣ засѣянныхъ нивъ, гулеваго поля; почему отпущенный на свободу скотъ нерѣдко заходитъ на нивы чужія, и, разумѣется, портитъ хлѣбъ. Если случилось, что заходилъ когда скотъ на ниву Исидора, онъ всегда выгонялъ его молча, не заводя ни съ кѣмъ не только брани и крику, какъ это у насъ, къ несчастію, водится, но даже и слова ни кому не скажетъ. Чтобы и самому не дать повода къ непріятностямъ, свою скотину, всегда привязанную, кормилъ готовыми снопами хлѣба.

**) Достойно вниманія и то еще, что Исидоръ никогда не начиналъ своихъ полевыхъ работъ безъ церковной молитвы. Молебны въ церкви служились для него: при началѣ сѣянія и по окончаніи, при началѣ жатвы и по окончаніи ея.

«А тебѣ больно, отвѣтитъ бывало, что опп смѣются, потому то видно, ты и не дѣлаешь того, что я дѣлаю; а я вебоюсь того, что они смѣются, это меня еще больше радуетъ; Богъ съ ними, пусть смѣются!»

Любилъ Исидоръ крѣпко Кіевъ: три раза посѣтилъ онъ его пѣшкомъ; послѣдній разъ уже совершенно больной, такъ что едва возвратился домой. Спутешествовавшіе ему, въ Кіевъ и обратно, были свидѣтелями его поста и всегдашней, денно-нощной молитвы. Всѣ спутники идутъ вмѣстѣ, бесѣдуя между собою; а Исидоръ одинъ всегда, или впереди, или позади всѣхъ съ поникшею главою и губами, постоянно что-то шепчущими (Исидоръ никогда не спускалъ съ языка молитвы Іисусовой). Вотъ путники присѣли отдохнуть и подкрѣпиться скудною пищею, одинъ Исидоръ не ѣстъ и не отдыхаетъ. Ему такъ хочется отдѣлиться подальше отъ своихъ спутниковъ, чтобы насладиться бесѣдою единственно съ Тѣмъ, Кто для него былъ *пища крѣпкая и питіе неисчерпаемое!* Видно Исидору хотѣлось и умереть въ Кіевѣ, и вѣроятно достигъ бы сего, если бы силою не взяли его оттуда братія, бывшіе тамъ съ нимъ. Чрезъ недѣлю по возвращеніи изъ Кіева Исидоръ, сподобившись причаститься святыхъ Таинъ предъ самою смертію, *безболѣзненно, мирно и непостыдно* перешелъ въ вѣчность, въ 21 день мая, 1868 года.

Да, по истинѣ безболѣзненно, мирно и непостыдно! Не возмутимо было спокойствіе, съ которымъ Исидоръ, ни на минуту не переставая, вслухъ всѣхъ молился, устремивъ пылкій, какой-то странный взоръ на потолокъ; видна была въ минуту кончины бодрость и какое-то величіе духа: онъ

самъ выпрямился, смежилъ глаза, и сложивши на груди руки, испустилъ послѣдній вздохъ безъ всякаго стона.

Разсказъ нашъ довольно удлиннился, а дивная жизнь Исидора, представленная въ немъ слабо, далеко не выяснена вся. Многаго, конечно, мы не имѣемъ права и выявлять при живой женѣ. А то, мы могли бы еще подивиться терпѣнію мужа—неопалимаго среди огня, крѣпкаго въ перенесеніи скорбей и болѣзней до того, что сама жена не слышала отъ него не только жалобъ, но даже стона, такъ естественнаго въ болѣзни. Въ одномъ выйдемъ за предѣлы скромности: это, отдадимъ долгъ почтенія доброй женѣ, уважавшей просьбу мужу, просившаго покрыть молчаніемъ его жизнь... «Покрый меня! не выявляй меня!» просилъ со слезами Исидоръ; и добрая жена дѣйствительно скрывала до времени то, что можно было скрыть.

Священникъ *Антоній Манжелей.*